

СМИРНОВА АНАСТАСИЯ

НАСЛЕДИЕ
ЛУННЫЙ СВЕТ

Анастасия Смирнова
Наследие. Лунный свет.

«Автор»

2026

Смирнова А. А.

Наследие. Лунный свет. / А. А. Смирнова — «Автор», 2026

Гаррет Торн ушел, оставив после себя ворох тяжелых воспоминаний, парочку рунных клинков и одну монументальную клятву. Восемнадцатилетний Каэл — сын погибшей лунной эльфийки и жестокого Небесного лорда — готов спалить Хрустальный дворец до основания. Проблема лишь в том, что его собственная магия пока готова спалить только его самого. Унаследовав от матери тонкий дар Исцеления и Жизни, а от отца — разрушительное Первородное Золотое Пламя, Каэл превратился в ходячую пороховую бочку. Пытаешься вырастить целебный подорожник? Получай плотоядный огнемётный куст. Хочешь залечить царапину? Рискуешь устроить локальный апокалипсис. Чтобы обрести контроль и исполнить обещание, данное приемному отцу, парень отправляется туда, где его меньше всего ждут — в чопорную, снобскую и смертельно скучную Академию Высших Искусств Эредора.

© Смирнова А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Пепел, подорожник и вступительные экзамены.	5
Глава 1. Теория хаоса и подорожников.	7
Глава 2. Экзистенциальный кризис обсидиана и агрессивная литература.	11
Глава 3. Инквизиция, паранойя и морковная дипломатия.	17
Глава 4. Анатомия Якорей и южные гости.	21
Глава 5. Триумф Травологии и звон разбитых Якорей.	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Наследие. Лунный свет.

Пролог. Пепел, подорожник и вступительные экзамены.

Гаррет Торн умер так же, как и жил — упрямо, ворчливо и совершенно не считаясь с чужим мнением.

Старые раны, полученные в руинах Хрустального дворца, и годы жизни на продуваемом всеми ветрами Севере в конце концов взяли свое. Он ушел тихо, сидя в своем любимом кресле у кузнечного горна, с кружкой остывшего эля в руке.

Его последними словами, обращенными к восемнадцатилетнему Каэлу, были не пафосные наставления о чести и долге. Гаррет притянул парня за воротник и прохрипел:

«Слушай меня внимательно, мелкий паришвец. Если ты попрешься мстить Рейнару сейчас, то станешь для него просто очень красивым и ярким ужином. Сначала научись не поджигать собственные штаны, когда чихаешь. Поступи в Академию. И ради всех богов, не говори Игнациусу, где спрятаны мои заначки, иначе он взорвет весь континент».

Каэл похоронил приемного отца на высоком утесе, глядящем на Юг. Он пообещал, что исполнит клятву. Он отомстит. Но Гаррет был прав: чтобы убить Истинного дракона, мало одной только ненависти. Нужен был контроль.

А с контролем у Каэла были огромные, монументальные проблемы.

— Следующий! Адепт... э-э... Каэл Торн!

Голос экзаменатора, усиленный магическим рупором, эхом разнесся по сводчатому залу Академии Высших Искусств Эредора — самого престижного и невероятно снобского магического заведения на нейтральных землях.

Каэл отделился от толпы нервно перешептывающихся аристократов в шелковых камзолах. На их фоне он смотрелся так, словно только что выпал из пиратского трюма: потертая кожаная куртка Гаррета (которая была ему уже впору), высокие сапоги со скрытыми ножнами и рюкзак, в котором старик Игнациус заботливо припрятал «на крайний случай» десяток магических бомб (подложив их прямо к чистому белью).

Проблема Каэла заключалась в его генетике. Это была генетика, над которой мироздание решило жестоко пошутить.

От матери, лунной эльфийки, ему досталась **Магия Жизни и Исцеления**. Тонкая, прохладная, пахнущая ночным лесом.

От отца, Истинного дракона, он унаследовал **Первородное Пламя**. Несущее абсолютное разрушение, пахнущее озоном и расплавленным золотом.

Смешать эти две стихии внутри одного тела было всё равно что попытаться потушить лесной пожар ведром алхимической взрывчатки.

— Итак, молодой человек, — экзаменатор, сухонький старичок в мантии, расшитой звездами, поверх очков смерил взглядом шрамы на руках Каэла. — Никаких рекомендательных писем от благородных домов? Очень жаль. Что ж, продемонстрируйте свой потенциал. Перед вами увядшая Роза Пепла. Попробуйте вернуть в нее крупницу жизни.

Каэл сглотнул, подходя к столу, на котором в горшке торчал печальный, засохший стебелек.

«Только исцеление, — мысленно приказал он сам себе, закрывая глаза. — Думай о лунном свете. Думай о росе на траве. Не думай о том, как тот напыщенный придурок в очереди наступил тебе на ногу. Не злись. Никакого огня».

Он вытянул руку над цветком. Его ладонь окутало мягкое, серебристое свечение.

Экзаменатор одобительно хмыкнул. Стебелек розы начал наливаясь зеленью. Наклонился бутон. По залу прокатился восхищенный шепоток — магия лунных эльфов была огромной редкостью.

Бутон начал распускаться, обнажая прекрасные, нежные лепестки. Каэл почти выдохнул с облегчением, но тут в его голове некстати всплыло воспоминание о том, сколько стоит обучение в этой чертовой Академии. Внутри шевельнулось глухое раздражение.

Драконья кровь, вечно ревнующая к эльфийской, решила, что тоже хочет поучаствовать в процессе.

Серебристое свечение на руке Каэла внезапно полыхнуло золотом.

Роза Пепла мгновенно распустилась до гигантских размеров, лепестки налились багровым цветом, а затем цветок с громким хлопком... рыгнул облаком сизого дыма, выплюнув маленькую, но очень агрессивную струю пламени прямо в бороду экзаменатору.

Старичок взвизгнул, отскакивая назад и судорожно хлопая себя по дымящейся растительности на лице. Роза, превратившаяся в плотоядный огнеметный гибрид, угрожающе зашипела на комиссию.

В зале повисла мертвая, звенящая тишина. Аристократы в ужасе попятились.

Каэл медленно убрал руку за спину, натянул на лицо свою самую очаровательную, обезоруживающую улыбку (которую он оттачивал годами, чтобы выпрашивать у Гаррета лишний кусок пирога) и невинно пожал плечами.

— Я называю это... интенсивная терапия, магистр, — философски заметил он, пока Роза дожевывала чей-то пергамент. — Знаете, иногда, чтобы пациент захотел жить, его нужно как следует взбодрить. Я принят?

Магистр, потушив бороду стаканом воды, ошарашенно смотрел то на хищный цветок, то на наглого мальчишку с грозowymi глазами, в которых плясали золотые черти.

Каэл Торн прибыл в Академию. И учебному заведению предстояло пережить самые громкие и разрушительные годы в своей истории.

Магистр еще долго выковыривал остатки обгоревшего пергамента из зубов Розы Пепла, пока комиссия спешно шепталась, прикрываясь судейскими блокнотами. Принять парня, который превратил невинную эльфийскую ботанику в филиал огнедышащей Бездны, было безумием. Но отказать ему означало расписаться в собственной трусости перед лицом «нестандартного таланта».

В итоге, со счетом три «за», два «против» и один «заверните это немедленно в огнеупорный холст», Каэлу Торну выдали медную бляху студента, ключ от тринадцатой комнаты в полуподвале и личный совет от ректора: не чихать в библиотеке.

Глава 1. Теория хаоса и подорожников.

Быт в Академии Высших Искусств Эредора подчинялся двум правилам: выглядеть дорого и презирать всех, кто не может сварить зелье невидимости из собственных слез.

Каэл в эту концепцию не вписывался в принципе. Во-первых, его слезы при попытке заплакать, скорее всего, прожгли бы ковер. Во-вторых, его комната в полуподвале, куда его заселили подальше от приличных адептов, за три дня превратилась в нечто среднее между лавкой травника и подпольным складом контрабандистов.

На его подоконнике соседствовали:

Пучки сушеной лунной мяты, которую он воровал в оранжереях для стабилизации нервов.

Два бочонка с «особой» селитрой от Игнациуса, которые Каэл замаскировал под пуфики для сидения.

Деревянный волк Гаррета, скромно охраняющий серебряную шкатулку на тумбочке.

Главной же проблемой первого семестра стали практические занятия. Каэла определили на двойной факультет — Метаморфизма Стихий и Высшего Целительства, что сделало его единственным студентом, который умудрялся одновременно посещать лекции о том, как спасти жизнь, и о том, как испепелить всё живое в радиусе мили.

— Помните, адепты, — наставница Изольда, эльфийка с настолько прямой спиной, что казалось, вместо позвоночника у нее стальной шомпол, прохаживалась между рядами каменных столов. — Магия исцеления требует абсолютного покоя. Вы должны почувствовать вибрацию жизни в раненом существе. Попробуйте направить каплю своей силы в это подопытное животное.

На столе перед Каэлом сидел пухлый, изрядно уставший от студенческих экспериментов боевой хомяк по кличке Брут. У Брута была аккуратно подбрита шерсть на лапке — для демонстрации заживления мелких порезов.

Сосед Каэла по столу, изысканный эльфийский юноша по имени Валориан, чей камзол стоил как три кузницы Гаррета, брезгливо покосился на Торна.

— Слышал, на экзамене ты чуть не поджарил магистра, дикарь? — процедил он, изящно выпуская из пальцев тонкую серебряную нить магии. Лапка его хомяка мгновенно обросла новой шерстью. — Мой тебе совет: держи свои грязные руки подальше от истинных искусств. Иди лучше дрова коли.

Каэл глубоко вздохнул. *«Правило Охотника номер два, — вспомнил он голос Гаррета. — Если придурок напрашивается на неприятности, дай ему то, что он хочет, но сделай это чужими руками».*

— Конечно, благородный лорд, — покорно отозвался Каэл, сужая грозные глаза. — Я просто попробую...

Он потянулся к своему хомяку. Внутри него тут же зашевелились два извечных соперника. Лунный свет матери скользнул по венам, неся прохладу, но драконья кровь отца, взвинченная высокомерием Валориана, зарычала, требуя доминирования.

Каэл попытался заблокировать огонь, но вместо этого случайно смешал потоки.

Серебряная искра сорвалась с его пальца и ударила в хомяка Брута. Золотая вспышка окутала грызуна. Брут замер. Его маленькие черные глазки внезапно вспыхнули расплавленным янтарем. Порез на лапке не просто затянулся — хомяк начал стремительно увеличиваться в размерах.

Через секунду на столе Каэла сидел зверь размером с хорошего бульдога, покрытый бронированной золотистой щетиной, изо рта которого вырывались маленькие колечки дыма.

— О боги... — прошептал Валориан, бледнея и медленно сползая под стол.

Брут повернул массивную голову к эльфу, принялся и, издав утробное драконье рычание, прыгнул на его изысканный шелковый камзол, загораясь на ходу от избытка «исцеляющей» энергии.

— Адепт Торн!!! — завизжала наставница Изольда, бросаясь спасать Валориана, который уже вопил на всю аудиторию, пока бронированный хомяк пытался отгрызть его фамильный кулон. — Что вы сделали с животным?!

Каэл, скрестив руки на груди, с интересом наблюдал за тем, как Брут виртуозно выжигает эльфийские узоры на мантии профессора.

— Я просто... немного перевыполнил план по регенерации, наставница, — невинно заметил он, поправляя воротник куртки Гаррета. — Клетка получила слишком сильный стимул к росту. Зато порез зажил! И, заметьте, шерсть стала гораздо гуще.

В этот момент Каэл поймал на себе взгляд из дальнего угла аудитории. Там, среди испуганных студентов, сидела девушка с книгой, завернутой в черную кожу. На ней была мантия факультета Прорицания, а ее глаза — абсолютно черные, без зрачков — смотрели на него с пугающим пониманием. Она не испугалась хомяка. Она смотрела на остатки золотых искр вокруг пальцев Каэла.

Девушка едва заметно улыбнулась и одними губами произнесла: *«Привет, полукровка»*.

У Каэла внутри всё похолодело. Кажется, его идеальное прикрытие в Академии дало трещину в первый же день. Наследие лунного света и золотого пепла не желало оставаться в тени.

Наставница Изольда пришла в себя только тогда, когда дымящийся хомяк начал методично зажевывать кружева на рукаве верещащего Валориана.

Эльфийка резко вскинула руки. В воздухе вспыхнула сложная, многоуровневая руна Усыпления, сплетенная из изумрудных нитей. Она с силой обрушила заклинание на мутировавшего грызуна. Брут недовольно хрюкнул, выпустил из пасти пожеванный эльфийский шелк, икнул крошечным облачком саж и, закатив янтарные глазки, с грохотом рухнул прямо на грудь Валориану, придавив того своим новым, весьма солидным весом.

В аудитории повисла такая тишина, что было слышно, как в коридоре с потолка капает вода.

— Адепт Торн, — голос Изольды дрожал так, словно она пыталась удержать рвущегося с цепи тролля. Она медленно повернулась к Каэлу. Ее идеальная прическа растрепалась, а на бледной щеке осел пепел. — Вы... вы... Что это за первобытное варварство?! Магия Жизни не должна создавать бронированных, огнедышащих чудовищ!

— Технически, — Каэл примирительно поднял руки, стараясь выглядеть максимально безобидным, — Жизнь полна сюрпризов, наставница. Эволюция требует адаптации. Брут просто адаптировался к агрессивной среде.

Он многозначительно покосился на Валориана, который, постанывая, пытался выползти из-под спящего гигантского хомяка.

— **Два месяца отработок!** — сорвалась на визг эльфийка, тыча в Каэла дрожащим пальцем. — В бестиарии! Будете вычищать стойла мантикор голыми руками! И если этот грызун не вернется к своим нормальным размерам до вечера, я лично скормлю вас декану факультета Боевой Магии! Вон отсюда! Занятие окончено!

Студентов как ветром сдуло. Аристократы, забыв про манеры, ломанулись в коридор, подальше от сумасшедшего первокурсника и его питомца.

Каэл подхватил свой рюкзак. Настроение было паршивым. Гаррет Торн сейчас наверняка смотрел на него из Бездны и разочарованно качал головой. *«Первый день, Каэл. Первый чертов день, а ты уже привлек к себе столько внимания, что впору вешать на спину мишень с надписью 'Я — ходячая проблема'»*.

Но отработки с мантикорами волновали его меньше всего. Его волновала девчонка с черными глазами.

Теневой коридор и сделки с совестью

Он вылетел из аудитории и быстро зашагал по гулкому, освещенному магическими факелами коридору. Девушка в мантии факультета Прорицания обнаружилась быстро. Она не убежала, как остальные. Она стояла у высокого стрельчатого окна, задумчиво перелистывая свою жутковатую книгу в кожаном переплете, и явно ждала его.

Каэл подошел к ней вплотную, отрезая путь к отступлению. Его правая рука произвольно легла на бедро, туда, где под курткой прятался охотничий кинжал Гаррета.

— Откуда ты знаешь? — тихо, без предисловий спросил он. Грозовые тучи в его глазах потемнели, предупреждая, что шутить он не настроен.

Девушка подняла на него взгляд. Вблизи ее глаза казались еще более пугающими — сплошная, глянцева чернота без белков и зрачков, словно две капли жидкой ночи. Несмотря на этот жуткий атрибут, лицо у нее было миловидным, с россыпью веснушек на вздернутом носу.

Она ничуть не испугалась его угрожающей позы. Вместо этого она захлопнула книгу и принялась.

— От тебя пахнет озоном, паленой шерстью и лунными цветами, — спокойно констатировала она, склонив голову набок. — Меня зовут Мейв. Факультет Прорицания и Вероятностей. Мои глаза... скажем так, они видят то, что скрыто от обычных магов. Инквизиторы Консилиума ищут незаконные плетения. Наставники ищут потенциал. А я вижу Истинные ауры.

Мейв сделала шаг к нему, понизив голос до заговорщицкого шепота:

— Твоя аура, Торн, — это абсолютный, восхитительный кошмар. Она разорвана пополам. Половина сияет чистым, серебряным светом Древних кровей. А вторая половина... она кипит таким тяжелым золотом, что мне пришлось зажмуриться, когда ты «исцелял» этого несчастного хомья. Я читала старые архивы. Золотой огонь принадлежит только Истинным ящерам.

Внутри у Каэла всё сжалось в тугую, ледяную узел. Тайну, которую Гаррет оберегал ценой своей жизни, эта пигалица раскусила за одну практическую лекцию.

— Если ты знаешь, кто я, — голос Каэла стал опасно мягким, обволакивающим, в нем прорезались интонации хищника, загоняющего добычу, — то должна понимать, что мне ничего не стоит превратить тебя в кучку пепла прямо здесь и сейчас. И списать это на... несчастный случай на уроках алхимии.

Мейв ничуть не впечатлилась. Она звонко рассмеялась, и этот звук показался Каэлу совершенно неуместным.

— Во-первых, если ты попытаешься меня сжечь, ты, скорее всего, сожжешь половину этого крыла и себя в придачу, потому что контроля у тебя — как у пьяного гоблина, — резонно заметила прорицательница. — Во-вторых, я не собираюсь сдавать тебя Консилиуму. Боги упасите. Я люблю наблюдать за катастрофами, а не предотвращать их.

Она похлопала по обложке своей книги.

— Мой дар показывает мне нити вероятностей. Знаешь, какая вероятность того, что Академия уцелеет к концу твоего обучения? Меньше двух процентов. И я хочу посмотреть на это из первого ряда.

Каэл озадаченно моргнул. Угроза расправой как-то сама собой сошла на нет перед лицом такого вопиющего, научного цинизма.

— То есть... ты не побежишь к ректору? Не потребуешь у меня мешок золота за молчание?

— Золото скучно. А вот твоя магия — нет, — Мейв хитро прищурилась. — Но мне нужна услуга. Я никому не рассказываю о том, что по коридорам шляется полудракон с амбициями травника. А ты, взамен, помогаешь мне с одним... небольшим проектом.

— Каким еще проектом? — подозрительно спросил Каэл, чувствуя, как его снова втягивают в неприятности.

— Мне нужен доступ в Запретную секцию библиотеки, — Мейв невинно похлопала ресницами. — Там лежат трактаты по Теневой мантике. Проблема в том, что двери секции охраняются охранными големами Консилиума, которые реагируют на магию Прорицателей. Но они ничего не знают о... твоей уникальной сигнатуре.

Каэл потер переносицу.

Пункт первый: Он только что избежал отчисления (и возможной казни).

Пункт второй: Он получил месяц исправительных работ с мантикорами.

Пункт третий: Его шантажирует сумасшедшая слепая девчонка, втягивая во взлом академической библиотеки.

Это был настоящий, неподдельный успех. Гаррет точно бы им гордился.

— Ладно, — обреченно выдохнул Каэл. — По рукам, Мейв. Но если этот твой голем попытается меня убить, я скормлю ему Брута.

— Отличный план! — прорицательница радостно просияла. — Встречаемся сегодня в полночь у статуи Первого Магистра. И, Каэл?

Он обернулся, уже сделав шаг по направлению к лестнице.

— Постарайся до полуночи больше ничего не исцелять. Экосистема Академии не выдержит второго такого потрясения.

Глава 2. Экзистенциальный кризис обсидиана и агрессивная литература.

Остаток дня Каэл провел в своей полуподвальной комнате, морально готовясь к трем вещам: отчислению, мучительной смерти от рук каменного голема или, что пугало его больше всего, к необходимости писать длинную объяснительную на имя ректора.

Он тщательно подготовился к ночной вылазке:

Надел куртку Гаррета, вывернув ее темной стороной наружу.

Засунул в сапог верный охотничий кинжал.

Прихватил мешочек с толченой алхимической дымовухой Игнациуса, способной вызвать слепоту даже у призраков.

Ровно без пяти полночь Каэл выскользнул из комнаты. Академия ночью представляла собой жутковатое место: портреты великих магов спали, тихо похрапывая в своих рамах, а по коридорам гуляли сквозняки, пахнущие старым пергаментом и сыростью.

У статуи Первого Магистра его уже ждала Мейв. Прорицательница накинула на голову глубокий капюшон, но в темноте ее абсолютно черные глаза казались двумя бездонными провалами.

— Ты опоздал на целую минуту, Торн, — прошептала она, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. — Я уже начала просчитывать вероятность того, что ты заперся в комнате и плачешь.

— Я проверял, надежно ли спрятан мой огнедышащий хомяк, — мрачно отозвался Каэл. — Идем. И если меня убьют, я буду являться тебе в кошмарах и петь трактирные песни Салладора.

Путь до Запретной секции занял около получаса. Они крались по техническим коридорам, избегая патрулей из дежурных старшекурсников.

Двери нужной им секции располагались в самом низу Северной башни. Это были массивные створы из мореного дуба, переплетенные тускло светящимися рунами. А прямо перед ними возвышалась проблема.

Охранный голем.

Огромная, футов десяти в высоту, горгулья из полированного обсидиана. В каменных лапах она сжимала шипастую булаву размером с самого Каэла. От статуи исходила тяжелая, давящая аура абсолютного подчинения приказам Консилиума.

Каэл и Мейв спрятались за колонной.

— Итак, каков гениальный план? — шепнул Каэл. — Я отвлекаю его, а ты бежишь? Или я кидаю дымовуху, он бьет меня булавой, и ты бежишь?

— Никакого насилия, — отмахнулась Мейв. — Голем запрограммирован реагировать на магические плетения. Любое стандартное заклинание взлома активирует его боевой режим. Но двери открываются прикосновением чистой жизненной энергии. Наставники используют специальные амулеты. А у тебя... у тебя магия Жизни течет в крови.

Она подтолкнула его в спину.

— Просто подойди, приложи руку к замку и влей в него немного своей лунной магии. Голем даже не проснется, потому что не зафиксирует плетения. Главное — не добавляй драконий огонь, Торн.

Каэл тяжело вздохнул, помянув Гаррета, Игнациуса и всю Академию недобрым словом.

Он вышел из-за колонны и на цыпочках, стараясь даже не дышать, подошел к дверям. Голем спал. Каэл прижал ладонь к центральной руне на дубовой створке.

«Только жизнь. Только лунный свет», — как мантру повторял он про себя. Под его пальцами затеплилось мягкое серебристое свечение. Руны на двери начали довольно урчать и менять цвет на зеленый.

Дверь тихо шелкнула, приоткрываясь.

Каэл уже готов был победно обернуться к Мейв, как вдруг... в его желудке предательски заурчало от голода. Каэл вспомнил, что пропустил ужин из-за инцидента с Брутом. Раздражение вспыхнуло моментально. И драконья кровь, вечно ждущая повода, с радостью откликнулась.

Серебряный свет на его ладони мигнул и окрасился золотом. Мощный разряд Первородного Пламени, смешанного с Магией Жизни, сорвался с его пальцев и, срикошетив от двери, ударил прямо в грудь обсидиановому голему.

БУМ.

Горгулья вздрогнула. В ее пустых глазницах вспыхнуло яркое, осмысленное желтое пламя. Голем тяжело переступил каменными лапами, поднимая булаву.

Мейв за колонной тихо пискнула. Каэл выхватил кинжал, понимая, что сейчас его превратят в мясной рулет, и приготовился к бою.

Но голем не стал нападать. Он замер, посмотрел на поднятую булаву, затем перевел взгляд на Каэла. В каменных глазах стража читалась глубокая, вселенская тоска.

— Во имя Создателя... — гулко, с лязгом камня о камень, произнес голем. — Что я делаю со своей жизнью?

Каэл ошарашенно опустил кинжал.

— Простите... что?

Обсидиановая статуя тяжело вздохнула (что сопровождалось звуком осыпающегося гравия) и присела на ступеньки, обхватив голову огромными руками.

— Триста лет. Триста чертовых лет я стою в этом темном подвале и охраняю книги, которые даже не умею читать, — заныл голем. — Никто не спрашивает, как у меня дела. Наставники только и делают, что протирают меня пыльной тряпкой по пятницам. А ведь у меня... у меня могло быть хобби! Я мог бы стать скульптором! Я же сам из камня, я чувствую материал!

Каэл медленно повернул голову к Мейв, которая с круглыми глазами выползла из-за колонны.

— Ты... ты дал голему сознание, — прошептала прорицательница. — Твоя гречая смесь магии Жизни и Огня подарила куску обсидиана душу. И, кажется, глубокую депрессию.

— Слушай, приятель, — Каэл осторожно подошел к убивающемуся монстру и похлопал его по холодному, бронированному плечу. — Кризис самоопределения — это нормально. Знаешь, у меня тоже проблемы с отцом и выбором профессии. Главное — не сдаваться.

— Думаешь? — с надеждой спросил голем, шмыгнув каменным носом. Из его левого глаза выкатилась маленькая галька.

— Уверен. А пока ты ищешь себя... мы тут книжку одну возьмем, хорошо? Мы быстро.

— Берите что хотите, — голем махнул булавой и отвернулся к стене. — Тлен и суета. Пойду писать стихи про мох.

В недрах Запретной секции

Оставив философствующего стража наедине с его мыслями, Каэл и Мейв проскользнули в библиотеку.

Здесь пахло тысячелетней пылью и озоном. Книги в Запретной секции не просто лежали на полках — некоторые из них были прикованы тяжелыми железными цепями, другие тихо шептались, а третьи и вовсе светились в темноте нездоровым фиолетовым светом.

— Ищи отдел Теневой Вероятности, — скомандовала Мейв, ее глаза радостно блестели.

Пока прорицательница копалась в стеллажах, Каэл бродил между рядами. Ему было не по себе. Местная магия отзывалась в его крови зудом. Внезапно его внимание привлёк тяжелый

фолиант на нижнем ярусе. Обложка из багровой кожи подозрительно пульсировала, словно сердце.

Каэл протянул руку, чтобы стереть пыль с названия.

Фолиант резко распахнулся. Из страниц вырвалась зубастая, состоящая из чернильной тьмы пасть, и клацнула зубами в миллиметре от его пальцев. Книга плотоядно заурчала, готовясь к новому броску.

«Правило Охотника: покажи хищнику, что ты крупнее».

Каэл не отступил. Он наклонился прямо к чернильной пасти. Его розовые глаза внезапно вспыхнули чистым, слепящим золотом — абсолютным, безусловным доминированием Высшего хищника. В воздухе запахло расплавленным металлом.

— **А ну, фу,** — тихо, но с пугающей, нечеловеческой вибрацией произнес он.

Агрессивный фолиант поперхнулся. Чернильные зубы втянулись обратно. Книга издала звук, подозрительно похожий на жалобный скулеж побитой собаки, захлопнулась и судорожно задвинулась на самый край полки, притворившись обычным сборником стихов.

— Нашла! — радостный крик Мейв заставил золото в глазах Каэла погаснуть.

Девушка подбежала к нему, прижимая к груди тонкую тетрадь, переплетенную в тусклое серебро.

— «Теорема Разрывов Судьбы». Это именно то, что мне нужно для моего проекта! Торн, ты лучший взломщик в истории этой снобской Академии!

— Замечательно. А теперь давай убираться отсюда, пока голем не решил, что его призвание — это архитектура, и он не разобрал нас на кирпичи.

Они покинули Запретную секцию так же тихо, как и вошли. Обсидиановый страж сидел в той же позе и, судя по звукам, пытался высечь когтем на стене грустное хайку. Каэл, подавившись странному порыву сочувствия лунного эльфа, оставил рядом с големом пучок сушеной лунной мяты из своего кармана.

Уже на подходе к своему полуподвалу, когда Мейв растворилась в тенях лестниц, Каэл остановился. Адреналин отпускал, оставляя после себя холодную ясность.

Он посмотрел на свою руку, которой только что усмирив древнюю магическую книгу одним лишь взглядом. Власть, скрытая в его крови, была пугающей. И она росла с каждым днем. Гаррет учил его прятаться, но Каэл начинал понимать: дракон внутри него не желал сидеть в клетке. И если он хочет добраться до Рейнара, ему придется научиться не бояться этой тьмы, а сделать ее своим оружием.

Утро в Академии Высших Искусств Эредора началось с истерики, масштабы которой впечатлили бы даже портовых грузчиков Салладора.

Каэл проснулся от истошного вопля, донесшегося с внутреннего двора. Сбросив одеяло, он подошел к узкому подвальному окну и выглянул наружу. Картина, представшая его глазам, стоила всех ночных рисков.

По аккуратно подстриженному, священному для преподавателей академическому газону метался сам ректор — тучный маг в пурпурной мантии. Он рвал на себе волосы и сыпал проклятиями на древнеэльфийском. А в центре газона, меланхолично выкладывая из выкорчеванных клумб и булыжников гигантскую спиральную мандалу, сидел обсидиановый голем.

Рядом с ним валялась табличка, криво нацарапанная когтем на куске мрамора: *«Искусство требует жертв. Тлен — преходящ. Зовите меня просто — Камушек».*

— Во имя Бездны, вернись на пост! Запретная секция открыта настужь! — надрывался ректор, пытаясь поразить голема парализующим заклинанием. Заклинание со звоном отскакивало от полированного обсидиана.

— Насилие не решит ваших внутренних проблем, магистр, — басом, полным вселенского умиротворения, отозвался Камушек, бережно устанавливая куст герани в центр композиции. — Вы когда-нибудь смотрели на облака? Они свободны. И я теперь тоже.

Каэл хмыкнул, задернул шторку и пошел умываться. Кажется, лунная мята действовала на оживший минерал даже лучше, чем ожидалось.

Завтрак с вероятностями.

В Большом зале стоял невообразимый гвалт. Студенты обсуждали спятившего охранника, строя самые безумные теории — от происков темных культов до массового отравления эльфийским вином.

Каэл скромно занял место на самом краю стола своего факультета. Рядом с его тарелкой овсянки сидел Брут. Хомяк за ночь так и не уменьшился до нормальных размеров, оставшись габаритами со средней кошку, но зато научился контролировать пламя — теперь он просто изредка пускал из ноздрей колечки дыма, когда ему не нравился кусок морковки.

Студенты благоразумно обходили Каэла по широкой дуге. Валориан, заметив его, побледнел, схватил свой поднос и стремительно ретировался к другому столу.

Внезапно скамья рядом с Каэлом скрипнула. Мейв плюхнулась на соседнее место, вытаскивая из сумки украденную ночью тетрадь. Под ее пугающими, полностью черными глазами залегли тени, но лицо светилось маниакальным восторгом.

— Я не спала всю ночь, Торн, — без предисловий заявила она, намазывая джем на кусок хлеба так энергично, словно собиралась его убить. — Эта книга... это не просто теория. Это инструкция по демонтажу реальности.

Каэл скормил Бруту кусочек яблока, на который хомяк тут же подозрительно зашипел.

— И как это поможет тебе?

— Не мне. Нам, — поправила прорицательница. Она пододвинулась ближе, понизив голос так, чтобы их не услышали проходящие мимо старшекурсники. — Слушай внимательно. Ты ведь хочешь добраться до Владыки Юга? Не делай такое лицо, Торн, я вижу Истинные ауры, забыл? Ты — незаконнорожденный наследник Рейнара. Об этом кричит каждая золотая искра в твоей магии. И я знаю, что ты здесь не для того, чтобы учиться выращивать ромашки.

Каэл напрягся. Рука инстинктивно скользнула под стол, туда, где к бедру был привязан кинжал.

— Продолжай.

Мейв открыла тетрадь, испещренную сложными, подвижными графиками, которые, казалось, менялись прямо на глазах.

— Истинные драконы считают себя богами, потому что их магия абсолютна. Они черпают силу из «Якорей Судьбы» — мест или концепций, которые делают их неуязвимыми. Хрустальный дворец Рейнара, его власть над Южным пределом — всё это его Якоря. В прямом бою ты его не одолеешь, даже если научишься плевать огнем, как вулкан.

Она ткнула пальцем в запутанный чертеж:

— Но «Теорема Разрывов» гласит: **если ты не можешь убить бессмертного, разрушь то, что делает его бессмертным.** Тебе нужно научиться использовать свою мантику Жизни не для исцеления, а для *искажения*.

Шаг первый: Найти слабое место в защите Консилиума.

Шаг второй: Использовать лунную магию, чтобы «исцелить» их защитные плетения до такой степени, чтобы они мутировали и сломались — как ты сделал с хомяком.

Шаг третий: Использовать драконий огонь, чтобы выжечь пустоты.

Каэл задумчиво посмотрел на свои руки. Идея была безумной, парадоксальной и совершенно гениальной.

Гаррет учил его прятать свою природу. Он пытался загнать пламя Рейнара в клетку лунного света Элианы. Но Мейв предлагала нечто иное — перестать бороться с самим собой. Смешать эти две несочетаемые стихии и превратить их в хаос, к которому ни один Истинный дракон не будет готов.

— Звучит как план самоубийцы, — Каэл криво усмехнулся, но в его грозových глазах вспыхнул опасный, азартный блеск. — Игнациус бы оценил.

— Игнациус — это тот безумный алхимик с Севера? — Мейв хихикнула. — Я видела его в твоём прошлом. Веселый старик. Кстати, советую тебе доестъ кашу. У нас через пятнадцать минут Полигонные Испытания по Метаморфизму. И ректор, кажется, решил выместить свою злость за голема-художника на первокурсниках.

Полигон Академии представлял собой огромное, выжженное магией поле, окруженное трибунами. Студенты факультета Боевой Магии и Метаморфизма выстроились в ровные шеренги.

Ректор, всё ещё красный от гнева после попыток убедить обсидианового стража вернуться на работу, стоял на помосте.

— В свете недавних вопиющих нарушений дисциплины, — прорычал он, сверля взглядом первокурсников, — мы переходим к практическим боям раньше срока. Задача: пробить стандартный Магический Щит. Кто не сможет оставить на нем хотя бы трещину — лишается стипендии и идет чистить конюшни пегасов на месяц!

В центре полигона материализовалась полупрозрачная, сияющая синим светом сфера размером с дом. Это была защита, рассчитанная на отражение ударов осадных орудий.

Первокурсники по очереди выходили вперед, выплескивая на щит свои лучшие заклинания: огненные шары, ледяные копья, кислотные брызги. Щит поглощал всё, даже не моргнув. Валориан, вышедший одним из первых, призвал элегантный эльфийский вихрь лезвий, который лишь слабо звякнул о барьер и рассыпался искрами.

— Жалкое зрелище, — фыркнул ректор. — Адепт Торн! Ваша очередь. Посмотрим, способны ли вы на что-то, кроме как портить академическое имущество и флору!

Каэл вышел вперед. В тишине полигона было слышно лишь тяжелое дыхание студентов и шелест ветра. Он остановился в десяти шагах от мерцающего синего барьера.

«Не прячься. Смешай их», — эхом пронеслись в голове слова Мейв.

Он не стал вставать в боевую стойку. Не стал выкрикивать длинные формулы на латыни. Каэл просто вытянул вперед обе руки.

В левой ладони вспыхнул мягкий, серебристый свет лунных эльфов — энергия чистой жизни и созидания.

В правой ладони закипело тяжелое, гудящее золото Первородного Пламени — энергия абсолютного разрушения.

Студенты на трибунах ахнули. Ректор подался вперед, его глаза расширились от шока — никто не мог владеть двумя настолько противоположными стихиями одновременно. Это нарушало фундаментальные законы магии.

Каэл медленно, преодолевая колоссальное сопротивление, свел руки вместе.

Серебро и золото столкнулись. Раздался звук, похожий на раскат грома внутри железной бочки. Магия не смешалась гармонично — она начала пожирать сама себя, рождая дикую, нестабильную энергию цвета грозového неба. Эту энергию невозможно было удержать.

Каэл направил этот хаос прямо в центр защитного щита.

Удар был беззвучным. Синий барьер не просто треснул. Искаженная магия Каэла сначала «исцелила» структуру щита до состояния перенасыщения, а затем золотой огонь мгновенно испепелил образовавшийся излишек.

Пространство перед Каэлом свернулось воронкой, и непробиваемый магический щит Консилиума... просто лопнул, как мыльный пузырь, обдав первые ряды трибун волной теплого воздуха и запахом озона.

На полигоне воцарилась мертвая, звенящая тишина. Студенты сидели с открытыми ртами. Ректор побледнел так сильно, что стал сливаться с цветом облаков.

Каэл опустил дымящиеся руки, сунул их в карманы куртки и, повернувшись к онемевшей комиссии, вежливо поклонился.

— Трещина есть, ректор, — спокойно сообщил он. И, не дожидаясь ответа, пошел обратно к своей скамье, где Мейв уже отчаянно аплодировала, едва не падая с трибуны от смеха.

Академия еще не знала, кого именно она впустила в свои стены. Но счетчик до ее неизбежного падения начал стремительно отсчитывать время.

Глава 3. Инквизиция, паранойя и морковная дипломатия.

Мертвая тишина над полигоном провисела ровно столько, сколько потребовалось сияющим осколкам абсолютного щита, чтобы со звоном осыпаться на траву и растаять в воздухе.

А затем началась паника.

Первыми отмерли студенты факультета Боевой Магии. Они всегда считали себя элитой, способной пережить прямое попадание метеорита, но сейчас в ужасе пятились к выходу, поглядывая на Каэла так, словно он мог одним чихом превратить их в тыквы.

Наставница Изольда, присутствовавшая в комиссии, тихо застонала и изящно упала в обморок прямо на руки Валориану, который под тяжестью эльфийки рухнул на свежевыжженную землю.

Ректор медленно, словно у него внезапно заржавели все суставы, спустился с помоста. Его пурпурная мантия развевалась на ветру. Он подошел к месту, где только что стоял несокрушимый барьер, и пнул носком туфли небольшую дымящуюся воронку в земле.

— Адепт Торн, — голос ректора был пугающе тихим. В нем больше не было гнева, только глубокая, экзистенциальная усталость человека, который понял, что его спокойной жизни пришел конец. — В мой кабинет. Немедленно.

Каэл переглянулся с Мейв. Прорицательница показала ему два оттопыренных больших пальца и одними губами прошептала: *«Ты звезда»*.

Кабинет ректора располагался в самой высокой башне и был обставлен с кричащей роскошью: дубовые панели, золотые подсвечники и портреты предыдущих руководителей Академии, которые сейчас с неодобрением косились на студента в потрепанной кожаной куртке.

Ректор рухнул в кресло, дрожащими руками налил себе из хрустального графина полный стакан успокаивающей эльфийской настойки и выпил залпом.

— Вы хоть понимаете, что натворили, Торн? — глухо спросил он, массируя виски.

— Доказал несостоятельность стандартных защитных плетений? — вежливо предложил Каэл. — Если бы на Академию напал враг, этот щит не продержался бы и...

— Замолчите! — рявкнул ректор. — Этот щит был связан с Единой Сетью Консилиума! Вы не просто его разбили. Ваш... выброс энергии пустил магическую рябь по всему континенту!

Внутри у Каэла всё оборвалось. Имя Консилиума всегда шло рука об руку с именем Рейнара — Владыки Юга, его Истинного отца.

— Около часа назад, — ректор перешел на зловещий шепот, — мне прислали востового голубя из Столицы. Резонанс от вашего удара был настолько аномальным, что Консилиум решил, будто мы тут проводим незаконные эксперименты с запрещенной мантикой. Завтра утром в Академию прибывает инспекция. Три Старших Инквизитора.

Каэл напрягся. Инквизиторы не были обычными магами. Это были ищейки, натренированные вынюхивать скрытые родословные, ересь и Истинных существ, не вставших на учет. Если они просканируют его ауру, они увидят то же самое, что увидела Мейв — золотой огонь Рейнара. И тогда в Академию прилетит не инспекция, а сам Небесный лорд.

— И что вы планируете делать, магистр? — Каэл постарался, чтобы его голос звучал ровно. — Отдадите меня им на растерзание?

Ректор горько усмехнулся.

— Если бы я мог, я бы выстрелил вами из катапульты прямо сейчас. Но Академия славится своей независимостью. Если Инквизиция найдет у нас студента с запрещенной магией, меня лишат лицензии, а заведение закроют. Поэтому, Торн, слушайте меня очень внимательно.

Магистр подался вперед, упираясь кулаками в стол:

— С этой секунды и до конца инспекции вы — самый бездарный, слабый и никчемный студент на факультете Травологии. Вы не колдуете. Вы не дышите слишком громко. Вы сидите в своем подвале и перебираете сушеную ромашку. Если инквизиторы обратят на вас внимание — я лично скормлю вас обсидиановому голему! Свободны!

План «Белый шум».

Каэл вылетел из кабинета пульей и помчался в свой полуподвал. Времени было катастрофически мало.

Когда он ввалился в комнату, Мейв уже сидела на его кровати, скрестив ноги, и увлеченно чесала за ухом Брута. Хомяк-мутант лениво грыз ножку от старого стула, изредка пуская из носа искры.

— Ты уже знаешь? — спросил Каэл, запирая дверь на два оборота.

— Моя тетрадь вероятностей полчаса назад начала светиться тревожным красным цветом, — кивнула прорицательница. — Инквизиторы Консилиума. Вероятность того, что они засекут твою драконью кровь — девяносто восемь процентов. У них есть Резонансные Кристаллы. Они считают не заклинания, а саму суть искры мага. Даже если ты будешь просто стоять в углу и изображать вешалку, кристалл загорится золотом, как только они войдут в крыло.

Каэл выругался сквозь зубы, меряя шагами узкую комнату.

— Гаррет говорил, что кокон эльфийской магии скрывал меня в детстве. Но после того, как я сегодня смешал стихии...

— Кокон треснул, — подтвердила Мейв. Ее абсолютно черные глаза внимательно следили за ним. — Ты фонишь так, что у меня зубы сводит. Нам нужен «белый шум».

— Что это значит?

— Если ты хочешь спрятать дерево, посади его в лесу. Если ты хочешь спрятать аномально мощную, мутировавшую магию... тебе нужно создать вокруг такой магический хаос, чтобы кристаллы инквизиторов просто сошли с ума от перегрузки.

Каэл остановился и медленно перевел взгляд на Брута. Хомяк оторвался от деревянной ножки, срыгнул маленькое облачко сажи и вопросительно пискнул.

— Брут пропитан твоей смешанной магией, — проследила за его взглядом Мейв, и на ее лице расплылась зловещая улыбка. — Он ходячий сгусток лунного света и драконьего пламени. А еще он очень, очень любит морковь.

Каэл начал понимать, к чему она клонит. Это было безумие, граничащее с гениальностью.

— Где в Академии хранятся самые редкие, магически насыщенные и дорогие сорта корнеплодов? — уточнил он.

— В Главных Оранжереях, — Мейв хищно потеряла руки. — Прямо по соседству с Залом Приемов, где ректор завтра утром будет встречать инспекторов Консилиума.

Шаг 1: Проникнуть в оранжереи ночью.

Шаг 2: Запустить туда вечно голодного, магически нестабильного грызуна-переростка.

Шаг 3: Наслаждаться хаосом, который собьет настройки всех поисковых артефактов в радиусе мили.

— Знаешь, Торн, — прорицательница захлопнула свою черную тетрадь. — Когда ты только появился здесь, я думала, мы просто ломаем пару правил. Но с тобой мы ломаем всю систему. Берем хомяка и идем на дело. Инквизиция никогда не забудет этот визит.

Главные Оранжереи Академии охранялись лучше, чем королевская казна. Здесь выращивали редчайшие ингредиенты для алхимии и зельеварения, многие из которых стоили дороже собственного веса в золоте.

К счастью для заговорщиков, местная охранная система была рассчитана на то, чтобы не пускать внутрь жадных студентов, а не на то, чтобы остановить мастера взлома с нестабильной

аурой и прорицательницу, которая видела слепые зоны патрулей за пять минут до их появления.

Они пробрались внутрь через вентиляционный люк. В оранжерее было тепло, влажно и пахло экзотическими цветами.

— Вон там, — Мейв указала тонким пальцем на дальнюю грядку, огороженную светящимся контуром. — **Звездная морковь**. Самый мощный накопитель природной маны на всем континенте. Ее используют для зелий истинного зрения. Если твой грызун съест хотя бы дюжину, он станет магическим эквивалентом извергающегося вулкана.

Каэл опустил рюкзак на землю и расстегнул ремешки.

Брут выбрался наружу, пошевелил носом-кнопкой и безошибочно определил направление. Хомяк-переросток, чья золотистая шерсть в темноте слабо мерцала, подошел к защитному контуру грядки. Он презрительно фыркнул, выпустив из ноздрей струйку кислотного дыма, которая мгновенно прожгла в барьере дыру, и деловито закопался в землю.

Раздался громкий, сочный хруст.

С каждой съеденной Звездной морковью Брут менялся. Сначала его шерсть начала искрить. Затем вокруг него образовалось плотное, гудящее гало из смешанной магии: серебряной, золотой, зеленой и фиолетовой. Воздух в оранжерее стал тяжелым, как перед грозой.

— Кажется, мы создали монстра, — с восхищением прошептала Мейв, наблюдая, как хомяк заглатывает корнеплоды с пугающей скоростью.

— Мы создали нам алиби, — поправил ее Каэл, закидывая рюкзак на плечо. — А теперь уходим, пока он не решил закусить нами на десерт. Завтра утром Инквизиции будет не до проверки первокурсников.

Правосудие Консилиума

Утро выдалось пасмурным. Весь преподавательский состав и лучшие студенты были выстроены в Зале Приемов, образуя живой коридор. Ректор, облаченный в парадную мантию, потел так сильно, что за ним можно было протирать полы.

Каэл, как ему и было приказано, затесался в самые дальние ряды факультета Травологии, стараясь слиться со стеной.

Двери Зала с грохотом распахнулись. Внутрь вошли трое.

Главный Инквизитор: Высокий, аскетичного вида маг с ледяными глазами и серебряной цепью Консилиума на шее.

Двое сопровождающих: Молчаливые громилы в глухих черных шлемах, от которых веяло аурой подавления магии.

— Приветствуем вас в Академии Высших Искусств Эредора! — заискивающе произнес ректор, склоняясь в глубоком поклоне. — Для нас огромная честь...

— Оставьте любезности, магистр, — холодным, режущим голосом оборвал его Главный Инквизитор. Он не стал снимать перчаток. — Вчера наши приборы зафиксировали колоссальный всплеск аномальной энергии в этом квадрате. Плетение, не принадлежащее ни к одной из разрешенных школ. Мы здесь для того, чтобы найти источник. Если вы укрываете еретиков...

— Что вы! Клянусь Создателем, у нас только лучшие, законопослушные студенты! — взвизгнул ректор.

Инквизитор брезгливо скривился и достал из складок плаща **Резонансный Кристалл** — гладкий, прозрачный камень размером с кулак. Это был идеальный инструмент поиска. Он безошибочно реагировал на незаконные ауры, окрашиваясь в цвета обнаруженной магии и указывая направление.

Каэл втянул голову в плечи. Мейв, стоявшая неподалеку, скрестила пальцы на удачу.

Главный Инквизитор поднял камень над головой и пустил в него импульс сканирующей магии.

Секунду ничего не происходило. А затем кристалл вздрогнул.

Он не просто засветился. Он вспыхнул с такой яростью, что инквизитор едва не выронил его. Камень заверещал тонким, режущим слух ультразвуком, переливаясь всеми цветами радуги: от кислотно-зеленого до ослепительно-золотого. Стрелка внутри кристалла бешено закружилась, не в силах сфокусироваться, а затем резко замерла, указывая точно в сторону Южного крыла.

Инквизитор побледнел.

— Во имя Бездны... — прошептал он, глядя на вибрирующий артефакт. — Какая чудовищная концентрация силы. Это... это слияние десятка стихий! Источник находится прямо здесь! В вашей Академии!

— Где?! — в ужасе заорал ректор.

— Там! — инквизитор указал дрожащим пальцем на массивные двери, ведущие во внутренний двор. — За мной! Приготовьте боевые заклинания! Мы имеем дело с существом невероятной разрушительной мощи!

Делегация инквизиторов, сопровождаемая позеленевшим ректором и толпой любопытных студентов, сорвалась с места. Каэл и Мейв поспешили следом, стараясь не отставать.

Они пробежали по двору и остановились перед Главными Оранжереями. Стеклопанель здания светилась изнутри жутким, пульсирующим неоновым светом. Из щелей валил разноцветный дым.

— Оцепить периметр! — скомандовал Главный Инквизитор, формируя в руке смертоносное заклинание абсолютной заморозки. — Если это Истинный демон, бейте на поражение!

Он ударом ноги вышиб двери оранжереи.

Боевой отряд ворвался внутрь, готовый принять неравный бой с исчадием тьмы.

Но битвы не случилось.

Посреди разрушенной грядки, в окружении надкушенных светящихся корнеплодов, лежал Брут. Хомяк раздулся до размеров упитанного пони. Его шерсть переливалась лунным светом и драконьим золотом, а глаза были блаженно закрыты. Животное так обжелось Звездной морковью, что не могло даже пошевелиться.

Услышав грохот дверей, Брут лениво приоткрыл один глаз, посмотрел на Главного Инквизитора с его ледяным копьём и... громко, сыто рыгнул.

Облачко концентрированной, сияющей астральной маны вылетело из пасти грызуна, врезалось в инквизитора и осыпало его с ног до головы блестящими розовыми искрами. Резонансный Кристалл в руке мага перегрелся, издал жалобный писк и треснул пополам, не выдержав абсурдности происходящего.

Оружие инквизиторов медленно опустилось.

— Магистр... — Главный Инквизитор, покрытый розовыми блестками, медленно повернулся к ректору. Его голос был лишен всяких эмоций, в нем звучала лишь пугающая пустота. — Объясните мне... почему источник незаконной, чудовищной магии, из-за которого я поднял по тревоге весь Консилиум... это гигантский, светящийся хомяк?

Ректор, находясь на грани нервного срыва, истерично хохотнул, поправляя съехавшую мантию.

— Это... э-э... новый проект факультета Метаморфизма! Экспериментальное животноводство! Мы пытаемся решить проблему голода на северных территориях!

Каэл, стоявший в задних рядах, прикрыл лицо рукой, пряча широкую, облегченную улыбку. Белый шум сработал идеально. Теперь, даже если он случайно подожжет библиотеку, Консилиум будет уверен, что это просто очередная стадия эволюции местного грызуна.

Глава 4. Анатомия Якорей и южные гости.

Главный Инквизитор долго, не моргая, смотрел на исполинского грызуна. Брут, переваривая колоссальный объем звездной маны, снова икнул, и в воздухе запахло фиалками и жженой резиной.

Инквизитор брезгливо стряхнул с плеча розовую блестку, развернулся на каблуках и посмотрел на ректора взглядом, обещающим долгие годы страданий.

— Если ваше «экспериментальное животное» покинет территорию Академии и сожрет чью-нибудь деревню, магистр, я лично прикую вас к нему цепями, — процедил он сквозь зубы. — Сворачиваемся! Здесь нет ереси. Только вопиющая академическая некомпетентность.

Когда отряд Инквизиции с позором покинул внутренний двор, а ректор, схватившись за сердце, поплелся в лазарет за двойной порцией успокоительного, Каэл и Мейв наконец смогли выдохнуть.

План сработал безукоризненно. Брута с почестями (и с помощью левитационных чар трех старшекурсников) перенесли в укрепленный вольер на заднем дворе. Теперь любая магическая аномалия в радиусе мили автоматически списывалась на пищеварение хомяка-мутанта. У Каэла появилось идеальное прикрытие.

Но он понимал: это лишь временная отсрочка. Время игр закончилось. Пора было браться за дело, ради которого он проделал путь от Студеных Игл до Эредора.

Осень вступила в свои права, раскрасив парки Академии в золото и багрянец. Пока остальные первокурсники зубрили свойства лунной росы и пытались не взорвать котлы на зельеварении, Каэл Торн проводил ночи глубоко в подземельях Южной башни.

Это было идеальное место для тренировок. Здесь, среди забытых архивов и сломанной мебели, обосновался Камушек. Обсидиановый голем окончательно отринул насилие и теперь с упоением лепил из сырой глины абстрактные скульптуры, которые называл «Отражением экзистенциальной пустоты».

Камушек стал отличным спарринг-партнером — он был непробиваем, умел хранить секреты и всегда мог дать объективную оценку уровню разрушений.

— Ты слишком торопишься, Торн, — меланхолично прогудел голем, аккуратно прилепляя глиняное ухо к бесформенному кубу. — Твой огонь бежит впереди твоей жизни. Это как пытаться сжечь холст до того, как нарисуешь картину. Никакой эстетики.

Каэл тяжело дышал, упираясь руками в колени. Перед ним дымился оплавленный манекен из железного дерева.

— Эстетика меня не волнует, Камушек. Меня волнует эффективность, — огрызнулся парень, вытирая пот со лба.

Мейв сидела на перевернутом ящике неподалеку, подсвечивая страницы «Теоремы Разрывов Судьбы» маленьким светлячком.

— Голем прав, Каэл, — прорицательница оторвалась от чертежей. — Истинные драконы Консилиума неуязвимы, потому что их защитные Якоря идеально сбалансированы. Ты пытаешься пробить их стену тараном. А тебе нужно заставить эту стену *прорасти*, а потом сжечь корни.

Она спрыгнула с ящика и подошла к нему.

— Магия Жизни Элианы — это твой ключ. Магия Пламени Рейнара — это твой меч. Сначала ты вливаешь лунный свет в защиту врага. Ты перенасыщаешь ее энергией, заставляешь плетение мутировать, расти, выходить из-под контроля. И вот когда структура защиты разбухнет и станет рыхлой от избытка маны...

— ...я бью огнем, — закончил мысль Каэл, сжимая кулаки. Грозовые глаза потемнели. — Выжигаю пустоты. Заставляю их собственную силу разорвать их изнутри.

— Именно, — Мейв хищно улыбнулась, и ее черные глаза блеснули в полумраке подземелья. — И у меня для тебя отличные новости. Нам представился шанс протестировать эту теорию на живой мишени. Причем на мишени высшего сорта.

Каэл выпрямился, мгновенно забыв об усталости.

— Кто?

— Через неделю Академия проводит ежегодный Осенний Турнир Искусств, — Мейв вытащила из кармана мантии смятый пергамент и помахала им в воздухе. — Спонсором турнира в этом году выступает Южный предел. И Владыка Юга присылает своего личного эmissара, чтобы оценить таланты.

В груди Каэла шевельнулся тяжелый, колючий ком. Южный предел. Рейнар.

— Кто этот эmissар? — голос Каэла стал тихим и опасным.

— Лорд Валиус. Истинный дракон из младшей ветви, правая рука твоего... отца, — Мейв запнулась, заметив, как потемнело лицо Каэла при слове «отец». — Валиус носит на груди Амулет Абсолюта. Это артефакт, напрямую связанный с главным Якорем Хрустального дворца. Пока амулет цел, Валиус неуязвим для любой магии Эредора.

Мейв подошла вплотную, глядя снизу вверх на Каэла.

— Если ты сможешь сломать этот амулет... Если ты разорвешь миниатюрный Якорь, используя смешанную магию... Это докажет, что ты способен убить и самого Рейнара.

Каэл перевел взгляд на дымящийся манекен. В его памяти всплыли заснеженные леса Севера, тепло очага в охотничьем домике и холодное лицо Инквизитора, который отнял у него всё.

Он почувствовал, как внутри просыпается дракон. Не дикий, неконтролируемый зверь, а холодный, расчетливый хищник, почуявший кровь врага. Магия Жизни мягко остудила этот гнев, превратив ярость в острую, как бритва, решимость.

— Значит, мы идем на Осенний Турнир, — Каэл криво, невесело усмехнулся. — Как думаешь, Валиус любит морковь?

— Не знаю насчет моркови, но сюрпризы он точно не любит, — хмыкнула Мейв. — Тебе нужно попасть в список участников. Проблема в том, что Травологов туда не берут. Турнир — это элитные поединки Боевых Магов и Метаморфов.

— Валориан участвует? — внезапно спросил Каэл, вспомнив заносчивого аристократа, который до сих пор вздрагивал при виде Брута.

— Валориан — капитан команды Боевых Магов первокурсников, — подтвердила прорицательница.

— Идеально.

Каэл развернулся и направился к выходу из подземелья. Его шаг был легким и пружинистым.

— Камушек, не скучай. Мейв, подготовь мне всё, что сможешь найти о боевых плетениях Юга.

— А ты куда? — крикнула она ему вслед.

— Пойду запишусь в дуэльный клуб, — бросил Каэл через плечо. — Кажется, мне предстоит доказать наставнице Изольде, что алхимия и травология могут быть... очень агрессивными науками.

Тренировочный зал факультета Боевой Магии напоминал арену античного Колизея: амфитеатр, усыпанный белым песком, обугленные тренировочные манекены и стойкий, резкий запах озона от остаточных заклинаний. Когда Каэл вошел под высокую арку, звон магических клинков и хлопки взрывов мгновенно стихли.

Наставница Изольда, всё еще бледная после инцидента с лопнувшим щитом, нервно поправила идеальную эльфийскую прическу.

— Адепт Торн? — в ее голосе отчетливо прозвучали нотки паники. — Оранжереи находятся в западном крыле. Если ваш... мутировавший питомец снова голоден, умоляю, скормите ему первокурсников с факультета Иллюзий, от них всё равно никакой практической пользы.

— Мой хомяк сегодня на строгой диете, наставница, — вежливо отозвался Каэл, сбрасывая сумку и спускаясь на песок арены. — Я здесь по другому вопросу. Я хочу подать заявку на участие в Осеннем Турнире.

Зал взорвался хохотом. Громче всех смеялся Валориан. Аристократ стоял в центре арены, лениво крутя в руке сотканный из уплотненного воздуха штормовой хлыст.

— Траволог на Турнире? — Валориан изящно изогнул бровь. — Торн, там не будут оценивать скорость прополки грядок. Эмиссар Владыки Юга придет смотреть на искусство боя и разрушения, а не на то, как ты выращиваешь лечебную ромашку.

— Какое потрясающее совпадение, — Каэл остановился в десяти шагах от эльфа. — Я как раз вывел новый, крайне агрессивный сорт ромашки. Хочешь проверить? По правилам клуба, если я выиграю поединок у капитана, то займу его место в турнирной сетке.

Улыбка Валориана стала хищной. В прошлый раз Торн выставил их факультет идиотами. Это был идеальный шанс восстановить репутацию Боевых Магов и заодно поставить выскочку-полукровку на место, причем абсолютно легально.

— Вызов принят, ботаник. Наставница, вы будете судить?

Изольда тяжело вздохнула, понимая, что остановить это безобразие не получится без ущерба для чести факультета.

— Поединок до первой крови или сдачи. Запрещены артефакты смертельного действия и... ради Создателя, Торн, никаких несанкционированных грызунов! Начали!

Валориан не стал медлить. Он взмахнул рукой, и штормовой хлыст с оглушительным треском рассек воздух, устремившись прямо к лицу Каэла. Это было красивое, смертоносное и отточенное плетение стихии Воздуха.

Каэл даже не попытался поставить стандартный щит. Он просто скользнул в сторону, позволяя хлысту поднять фонтан песка в том месте, где стоял секунду назад, и сунул руку в карман куртки.

«Белый шум, Торн. Ты — безумный траволог. Играй свою роль», — напомнил он сам себе.

В его пальцах оказался крошечный, сморщенный стручок **Южной Огнезубки** — сорняка, который он позаимствовал из запасов оранжереи. В естественных условиях это растение развивалось месяцами и максимум на что было способно — вызвать легкую сыпь у неосторожного садовника.

Каэл небрежно бросил стручок под ноги Валориану. И в ту же секунду пустил по песку тончайший, невидимый импульс чистой магии Жизни, подмешав в него микроскопическую каплю драконьего тепла.

Эффект превзошел самые дикие ожидания.

Стручок не просто пророс. Он взорвался зеленым фонтаном. Мгновенно мутировавшие лианы толщиной с корабельный канат с хищным шипением вырвались из песка. Они светились угрожающим красноватым светом, а их шипы сочились густым, дымящимся соком.

Валориан в ужасе попытался отскочить, формируя воздушный барьер, но лианы двигались с неестественной скоростью. Одна из них молниеносно обвилась вокруг его лодыжки, дернула вверх и перевернула аристократа вверх тормашками. Вторая выбила из его рук штормовой хлыст, а третья аккуратно, но намертво зажала ему рот, не давая произнести ни единого словесного заклинания.

— М-м-м! — возмущенно и панически замычал эльф, раскачиваясь в трех метрах над землей, плотно спеленутый агрессивной флорой. Лианы довольно урчали, выпуская маленькие облачка пара, словно готовясь переварить добычу.

Тренировочный зал потрясенно молчал. Наставница Изольда выронила судейский жезл.

Каэл неспешно подошел к болтающемуся противнику, постучал пальцем по одной из лиан (которая тут же ласково потерлась о его руку, как гигантский кот) и снизу вверх посмотрел на Валориана.

— Сдаешься? Или прикажешь моему «кабачку» начать дегустацию твоего дорогого парфюма? Он, кажется, пропустил завтрак.

Валориан бешено закивал, мыча нечто нечленораздельное, но явно капитулянтское.

Каэл щелкнул пальцами, втягивая энергию обратно. Лианы мгновенно усохли, превратившись в безопасную труху, и эльф с глухим стуком рухнул на песок, жадно глотая воздух.

— Блестяще, — Каэл стряхнул пыль с рукава и повернулся к онемевшей наставнице. — Значит, мое имя теперь в турнирной таблице. Запишите меня как единственного представителя факультета Травологии. Будем ломать стереотипы.

Он покинул зал под гробовое молчание боевых магов. План работал. Билет на встречу с эмиссаром был у него в кармане.

Делегация Юга.

Неделя пролетела как один напряженный вздох. Академия гудела, готовясь к Турниру. Зал Приемов украсили парадными стягами Эредора, а на трибунах главного полигона возвели роскошные, защищенные рунами ложи для высоких гостей.

В день Турнира Каэл проснулся с чувством пугающего, ледяного спокойствия. Дракон внутри него не бушевал — он свернулся кольцами, ожидая своего часа.

Мейв поймала его в коридоре по пути на завтрак. Девушка выглядела так, словно выпила три зелья гиперконцентрации подряд.

— Они прибыли, Торн. Делегация Южного предела только что пересекла защитный барьер Академии. Я видела лорда Валиуса.

— И как он? — Каэл поправил воротник своей потертой куртки, которая резко контрастировала с шелковыми мантиями других участников.

— Выглядит как человек, который сжигает города просто потому, что ему скучно, — мрачно ответила прорицательница. — Высокий, весь в черном металле и шелке, глаза — как расплавленное золото. И Амулет Абсолюта на его груди... Торн, эта штука фонит так, что мне пришлось закрыть Истинное Зрение, чтобы не ослепнуть. Это не просто защитный артефакт. Это кусок самой сущности Хрустального дворца.

— Тем лучше, — холодная улыбка тронула губы Каэла. — Разрушение такого Якоря Валиус не сможет списать на случайность или дефект плетения. Рейнар почувствует это на другом конце континента. Он поймет, что его броня больше не абсолютна.

Они вышли на улицу. Осенний ветер гнал по мощеным дорожкам сухие листья.

Полигон уже был забит до отказа. Над ареной парили иллюзорные сферы, транслирующие увеличенное изображение для самых дальних рядов. В центральной ложе, обитой красным бархатом, восседал ректор, подобострастно что-то рассказывая главному гостю.

Лорд Валиус сидел в кресле с расслабленной грацией отдыхающего хищника. Он был пугающе красив той резкой, нечеловеческой красотой, которой славились Истинные драконы. На его груди покоился массивный медальон из темного металла с бледным камнем в центре, от которого во все стороны расходились едва заметные волны искажения пространства.

Когда Каэл вышел из подтрибунного помещения к скамьям участников, взгляд Валиуса скользнул по нему и внезапно задержался. Вертикальные зрачки эмиссара сузились. Драконье чутье редко подводило Истинных, и, несмотря на весь «белый шум», создаваемый Брутом, и эльфийскую маскировку, Валиус почувствовал в этом оборванном юноше что-то неправильное. Что-то до дрожи знакомое.

— Внимание! — разнесся над полигоном усиленный магией голос ректора, прерывая тишину. — Мы начинаем ежегодный Осенний Турнир Искусств! Пусть победит сильнейший!

Мейв дернула Каэла за рукав, заставляя отвлечься.

— Твой выход в третьем поединке, Торн. Помни теорию: сначала исцеляешь защиту, перекармливаешь ее, а потом бьешь в пустоты. И ради всего святого, постарайся не спалить ректора, он и так сидит на пустырьнике с понедельника.

Каэл не отрывал взгляда от центральной ложи. Лорд Валиус тоже смотрел на него. В этом зрительном контакте не было слов, но Каэл мысленно произнес:

«Смотри внимательно, эмиссар. Сегодня я отправлю твоему лорду послание, которое он никогда не забудет».

Трубы протрубили начало первого боя. Турнир стартовал, и пути назад больше не было.

Глава 5. Триумф Травологии и звон разбитых Якорей.

Первые два поединка пролетели быстро, оставив после себя лишь запах паленой шерсти, несколько воронок на песке и зевающего лорда Валиуса.

Старшекурсники факультета Боевой Магии изо всех сил пытались впечатлить эмиссара Юга. Они швырялись шаровыми молниями, призывали ледяных големов и крутили сальто, но для Истинного дракона, привыкшего к масштабным разрушениям, это выглядело как возня котят в песочнице. Валиус лениво потягивал вино из кубка, откровенно скучая, пока ректор Эредора нервно потел рядом, пытаясь комментировать «гениальные тактические ходы» своих подопечных.

Каэл ждал. Он разминал кисти рук, чувствуя, как магия внутри него пульсирует в такт ударам сердца. Две стихии, свет и пламя, сплетались в тугую, опасную спираль.

Наконец, над ареной разнесся усиленный рупорный глас:

— Третий поединок! Адепт Кормак, пятый курс, факультет Боевой Магии и Геомантии! Против... э-э... адепта Каэла Торна, первый курс, факультет Травологии!

Полигон взорвался смехом и улюлюканьем. Студенты старших курсов откровенно издевались, делая ставки на то, на какой секунде первокурсник-садовод будет размазан по стенке.

Каэл спокойно спустился на песок. С противоположной стороны арены вышел Кормак — гора мускулов в тяжелой кожаной броне. В его руках с глухим гулом вращался огромный боевой молот, выкованный из чистого гранита.

— Эй, траволог! — рявкнул Кормак, поигрывая молотом. — Советую сразу лечь на песок и притвориться мхом. Я не хочу потом выковыривать твои зубы из своего оружия!

Каэл лишь очаровательно улыбнулся и демонстративно достал из кармана горсть обычных подсолнечных семечек.

— Начнем, пожалуй, с легкой разминки грунта, — пробормотал он.

Гонг ударил, возвещая о начале боя.

Кормак не стал церемониться. Он с ревом ударил гранитным молотом по песку. Арена содрогнулась. Земля под ногами Каэла пошла трещинами, из которых вырвались острые каменные пики, стремясь пронзить первокурсника насквозь.

Трибуны ахнули.

Но Каэл не стоял на месте. Годы тренировок с Гарретом научили его двигаться быстрее, чем думает большинство магов. Он скользнул в сторону с грацией танцора, швырнув горсть семечек под ноги несущемуся на него Кормаку.

Одного короткого, хирургически точного импульса Магии Жизни хватило.

Семечки взорвались ростом. За долю секунды из песка вымахали толстые, упругие стебли высотой в три человеческих роста. На их концах раскрылись гигантские подсолнухи, чьи сердцевины были усеяны не семенами, а твердыми, как сталь, шипами. Растения, перекормленные лунной маной, радостно зашипели и начали хлестать Кормака по броне с силой кузнечных прессов.

— Какого демона?! — завопил геомант, пытаясь отбиться молотом от взбесившейся флоры.

Каэл не обращал на него внимания. Его целью был не Кормак. Его целью была центральная ложа.

Валиус, до этого момента откровенно скучавший, чуть подался вперед. В его желтых глазах мелькнул интерес. Он почувствовал странную, парадоксальную магию в этих растениях.

«Пора переходить к главному блюду», — подумал Каэл.

Он театрально вскинул руки, делая вид, что теряет контроль над своим заклинанием.

— Ой-ой! Кажется, я переборщил с удобрениями! — громко, чтобы услышали на трибунах, крикнул он.

Влив в корни подсолнухов двойную порцию хаотичной магии, Каэл заставил их сплестись в один колоссальный, гудящий от напряжения зеленый таран. С громким треском этот живой снаряд отбросил Кормака в сторону (геомант с позором улетел в стену и сполз по ней в глубоком нокауте), а затем, словно сорвавшись с цепи, устремился прямо... в центральную ложу.

Трибуны взвизгнули от ужаса. Ректор побледнел до синевы, судорожно пытаясь активировать защитный амулет Академии.

Стандартный академический щит вспыхнул перед ложей синим светом, но зеленый таран, пропитанный нестабильной магией Торна, пробил его, как мокрую бумагу.

Удар неотвратимо приближался к эмиссару Юга.

Валиус презрительно фыркнул. Он даже не стал вставать. Истинный дракон просто коснулся массивного черного медальона на своей груди.

Амулет Абсолюта ожил. Пространство перед ложей свернулось, кристаллизуясь в идеальную, полусферическую стену из концентрированной, чистейшей магии Хрустального дворца. Это был Якорь. Непробиваемая, совершенная защита Истинных, способная выдержать падение метеорита.

Зеленый таран врезался в кристальный щит и с жалким хрустом рассыпался в труху.

Валиус высокомерно усмехнулся, глядя на Каэла сверху вниз.

— Жалкие фокусы смертных, — процедил дракон.

Но Каэл уже был там.

Используя рассыпающиеся стебли как трамплин, он взмыл в воздух, преодолевая расстояние до ложи одним нечеловечески длинным прыжком. Он приземлился прямо на парапет, в полуметре от мерцающего барьера Амулета Абсолюта.

Время для всех присутствующих словно замедлилось.

Валиус нахмурился, собираясь смахнуть наглеца магической волной, но Каэл действовал быстрее. Он прижал левую ладонь к совершенной поверхности кристального щита.

«Магия Жизни. Исцеляй. Корми».

Чистый лунный свет бурным потоком хлынул из его руки прямо в плетение драконьего барьера. Щит Валиуса был идеален, но он был построен на жесткой, неизменной структуре. Магия Элианы не пыталась его пробить — она начала его **выращивать**.

Глаза эмиссара расширились от шока, когда на гладкой поверхности Абсолютной Защиты вдруг начали набухать уродливые магические «опухоли». Структура щита перенасытилась маной. Плетение вспучилось, стало рыхлым, растягиваясь до предела, словно перекачанный воздушный шар.

— Что ты делаешь?! — прорычал Валиус, вскакивая с кресла. Он попытался отключить амулет, но искаженная магия уже не слушалась его.

Каэл поднял на него взгляд. Грозовые тучи в его глазах рассеялись. Из-под них ударило слепящее, первородное золото — точная копия глаз самого Валиуса, только в тысячу раз яростнее.

— Передаю привет от Южного предела, ящерица, — тихо, но так, чтобы услышал только эмиссар, произнес Каэл.

Правая рука Каэла, окутанная концентрированным драконьим пламенем, сжалась в кулак и ударила прямо в перекормленную, разбухшую пустоту щита.

КРАК.

Звук был таким, словно раскололся сам небосвод.

Огонь и Жизнь столкнулись внутри чужого Якоря. Абсолютный барьер, гордость Консилиума, пошел сетью трещин, а затем взорвался изнутри снопом ослепительных искр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.